
ОРИГИНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

© Коллектив авторов, 2016
УДК 616.89-008-055.23-02:616-058.8

НЕПОЛНАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ СЕМЬЯ: ВЛИЯНИЕ НА АУТОАГРЕССИВНЫЕ И ЛИЧНОСТНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕВУШЕК, ВОСПИТАННЫХ В НИХ

Т.А. МЕДЕНЦЕВА, А.В. ЛУКАШУК, О.Ю. СОМКИНА, М.А. БАЙКОВА,
М.Д. ФИЛИПPOBA

Рязанский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова, г. Рязань

INCOMPLETE PARENT FAMILY: THE IMPACT ON OUTAGES PASSIVE AND EXPERIMENTALLY-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF GIRL WHO WERE BROUGHT UP IN THEM

T.A. MEDENTSEVA, A.V. LUKASHUK, O.Y.SOMKINA, M.A. BAYKOVA,
M.D. FILIPPOVA

Ryazan State Medical University, Ryazan

В представленной работе изучены клинические и психологические характеристики девушек, воспитанных в неполных семьях. В исследовании показано, что их аутоагрессивный профиль имеет значимые отличия от респонденток контрольной группы, которые воспитывались в полных семьях. Можно утверждать, что изучаемая группа является носителем более существенного аутоагрессивного потенциала. Это имеет важное значение как для теории суицидологии, так и для проведения дифференцированной превентологической работы, вероятностной оценки возможности суицидального поведения в среде подростков.

Ключевые слова: аутоагрессия, суицидология, неполные семьи.

In this work, we studied the clinical and psychological characteristics of girls who were brought up in incomplete families. The study shows that their autoaggressive profile has significant differences from the respondents in the control group who were brought up in complete families. It can be argued that the studied group is the bearer of more substantial autoaggressive potential. This is important both for the theory of assistance, and for carrying out differentiated preventional work, a probabilistic assessment of possible suicidal behavior among adolescents.

Keywords: autoaggression; suicidology; single-parent families.

Введение

Семья играет очень важную роль в жизни каждого человека. Отсутствие полноценного образца для внутрисемейной социализации почти всегда ведет к разнообразным нарушениям в психическом и личностном развитии человека [7, 8]. Количество неполных семей, воспитывающих хотя бы одного ребенка, в России за последние годы возросло почти до 40%. И, к сожалению, продолжает увеличиваться. В плане суицидологической практики данный факт является весьма настораживающим, так как количество детей, подростков и лиц юношеского возраста, покончивших с собой и воспитанных одним родителем, составляет порядка 60 и более процентов [3, 7]. Не лишним будет напомнить и о значительном росте самоубийств лиц данной возрастной группы в нашей стране за последнее время [5, 7], что, все вместе, делает вопрос изучения predisponирующих суицидальному поведению факторов крайне актуальным, имеющим серьезное медико-профилактическое значение [4]. Имеются обширные данные, доказывающие, что лица, воспитанные в неполных семьях, вступают в неблагоприятные в плане аутоагрессии браки [10-13]. Поэтому, мы полностью согласны с мнением, что семейный фактор может относиться к значимым антисуицидальным, если мы говорим о здоровой и гармоничной семейной атмосфере [8]. К сожалению, в противном случае, семейный институт может полноценно не выполнять своих функций и даже выступать в роли главного просуицидального катализатора [6, 8, 9].

Нас заинтересовал следующий вопрос: как влияет на суицидологические и личностно-психологические характеристики факт воспитания ребенка в неполной семье. Особенно, учитывая тот факт, что отсутствие одного из родителей большинством людей, априори, считается «ненормативным».

Материалы и методы

Для решения поставленных задач были обследованы 40 девушек (студенток

ВУЗа), воспитанных одним родителем (матерью). Возраст обследуемых составил $21,2 \pm 1,45$ года. В качестве контрольной группы использованы студентки, воспитанные, соответственно, в полных семьях – в количестве 153 человек. Возраст респонденток составил $20,8 \pm 1,12$ года. Обе группы были сопоставимы по основным социально-демографическим показателям.

В качестве диагностического инструмента использовался опросник, направленный на выявление суицидальных и несуицидальных феноменов аутоагрессии в прошлом и настоящем, а также «Шкала родительских предписаний» [14], широко используемая в рамках транзакционного анализа.

Статистический анализ произведен посредством параметрических и непараметрических методов математической статистики на базе компьютерной программы Microsoft Excel 2007 (с использованием критерия Стьюдента и хи-квадрат).

Выборочные дескриптивные статистики в работе представлены в виде $M \pm m$ (средней $\pm$ стандартное квадратичное отклонение).

Результаты и их обсуждение

Рассмотрим представленность и тропизм аутоагрессивных паттернов, их предикторов, а также родительских посланий в исследуемых группах, что отражено в таблице 1.

Из данных, представленных в таблице, следует, что между изученными группами имеется значительное количество отличий. Любопытно, что классические суицидальные паттерны, а именно – суицидальные мысли, чаще обнаруживались у студенток, выросших в семьях с обоими родителями. Однако, несуицидальный спектр аутоагрессивных паттернов в значительно большей степени как качественно, так и количественно характеризовал девушек из неполных семей. В отношении предикторов аутоагрессивного поведения мы также не видим «однозначной» картины, позволившей бы вынести лаконичный вердикт о неблагополучности той или

иной группы. Однако все становится более понятным, если обратить внимание на

«нагруженность» родительскими посланиями или проклятиями [15].

Таблица 1

Достоверные отличия в группах по изучаемым признакам ($p < 0,05$)

Признак	Респонденты, воспитанные в полных семьях	Респонденты, воспитанные в неполных семьях
Классические суицидальные паттерны		
Суицидальные мысли в анамнезе	30,72%	20,0%
Несуицидальные аутоагрессивные паттерны		
Наличие опасных для жизни увлечений	7,84%	25,0%
Физическое или сексуальное насилие в анамнезе	0	10,0%
Склонность к неоправданному риску	14,38%	37,5%
Наличие обморожений	1,97%	7,5%
Наличие ожогов	11,11%	17,5%
Предикторы аутоагрессивного поведения		
Частые переживания чувства стыда	29,41%	17,5%
Периоды безысходности	26,14%	35,0%
Чувство безысходности в последние два года	33,33%	42,5%
Трагические смерти в семье	24,84%	32,5%
Комплекс неполноценности	42,48%	32,5%
Наличие смысла жизни	62,75%	32,5%
Потеря смысла жизни в последние два года	13,07%	5,0%
Частые угрызания совести	32,68%	25,0%
Специфика родительских посланий		
Родительское послание «Не существуй»	14,08±3,31	18,6±5,5
Родительское послание «Не будь ребёнком»	18,55±1,8	22,03±3,26

Дадим комплексную оценку обнаруженных нами данных. Итак, суицидальные идеации преобладают у девушек, воспитанных полными семьями, что на первый взгляд может показаться странным и противоречит общепринятому «народному» мнению или мифу, что полная семья – безусловное благо. Обратим внимание и на то, что по количеству суицидальных попыток в анамнезе группы не имеют отличий (в обоих случаях их количество не превышало 3%, что укладывается в популяционные «границы» данной гендерно-возрастной группы).

Кроме того, учитывая возрастные особенности суицидального поведения, а именно традиционно высокие уровни идеаторной аутоагрессивной активности девочек-подростков и девушек, мы обнаружили, что суицидальные мысли в группе девушек из полных семей, наиболее часто возникали на фоне «несерьезных» причин реактивно-личностного характера, чаще всего без обдумывания конкретных спосо-

бов реализации суицидальной попытки. Девушки в этой группе были более склонны к шантажному поведению и «девичьим» эмоциональным колебаниям-капризам – «когда хотелось привлечь к себе внимание», даже посредством парасуицида. В свою очередь, в группе девушек, воспитанных в семьях с одним родителем, суицидальные мысли наиболее часто возникали на фоне чувства безнадежности, нередко сопровождались обдумыванием реализации суицида и его последствий, с ощущением утраты смысла существования.

Учитывая то, что количество подростков, совершивших завершённый суицид и выросших в неполных семьях, весьма значительно [6, 7], можно предположить, что существует некий перекоп в «реализуемости» суицидальных мыслей в попытку в исследуемой группе, к сожалению, зачастую в фатальную. Безусловно, может иметь место и смещение в пропорции отношения попыток к завершённым суицидам в сторону последних.

С другой стороны, обращает на себя внимание явное преобладание несуицидальных аутоагрессивных паттернов в экспериментальной группе, что почти всегда демонстрирует нам интенсивность «непрямого», менее одиозного, и, в ряде случаев, социально приемлемого пути реализации антивитаальных импульсов. Респондентки данной группы в основном характеризуются рискованно-виктимными паттернами поведения: склонностью к опасным хобби, неоправданному риску, большому количеству ожогов и обморожений. Отдельно отметим высокую частоту физического и сексуального насилия, которые у обследуемых из полных семей отсутствуют вообще.

Что касается предикторов аутоагрессивного поведения, то они распределились весьма любопытно, но в целом, предсказуемо. Наиболее «легкие» из них, преимущественно гендерно-реактивно-эмоционального характера, чаще обнаруживаются у девушек из полных семей (частые угрызения совести и переживания стыда). Но, если абстрагироваться от того факта, что получены они в результате сбора аутоагрессивного анамнеза, и рассмотреть их совокупность с переживанием «комплекса неполноценности», то скорее всего увидим типичный эмоциональный срез девушек данной возрастной группы. Более того, мы не обнаружили выраженной корреляционной связи между этими факторами и присутствием у респонденток суицидальных мыслей.

Более того, большинство из девушек, воспитанных в полных семьях, имели чёткое понимание смысла собственной жизни, что в значительной степени отличает их от девушек первой группы.

Те же предикторы аутоагрессивного поведения, которые характеризуют девушек из неполных семей, являются одними из самых прогностически неблагоприятных в суицидологической практике.

При оценке шкалы предписаний обнаружены весьма специфические профили родительских посланий. Группы достоверно отличались в отношении посланий «Не существуй» и «Не будь ребёнком».

Первое послание наиболее токсично в суицидологическом плане, поскольку прямо определяет аутоагрессивный потенциал личности [1, 2, 15]. Оно в значительно большей степени характеризует именно девушек из неполных семей. Не беремся на данном этапе исследования судить о точных механизмах его трансляции и акцепции, однако количественные характеристики, описывающие данный психический конструкт, говорят о наличии в их прошлом некоего неблагоприятного фона, не способствующего формированию здоровой, не склонной к радикальному эскапизму, личности. Наиболее часто основной причиной этого исследователи называют атмосферу физической и/или психологической брошенности ребенка, формирующей осознаваемое или нет, чувство собственной ненужности и нелюбви [15].

Высокая активность послания «Не будь ребёнком» объясняется частым ранним психологическим «взрослением» детей в неполных семьях, возлагаемой на них ответственностью за отсутствующего родителя. С чем, в контексте суицидологии, наиболее вероятно связана редкость шантажно-капризных парасуицидальных паттернов в группе и частота завершённых суицидов. Девиз группы можно передать словами: «Все по-взрослому, в том числе возможная суицидальная траектория...» или «Большие девочки не плачут... большие девочки делают».

Выводы

1. Девушки, воспитанные одним родителем, являются группой с более высоким аутоагрессивным потенциалом;

2. Это касается как несуицидальных аутоагрессивных паттернов, что продемонстрировано нашим исследованием, так и суицидальных, что подтверждается многочисленными литературными данными [5-7]. Группа также характеризуется целым рядом важнейших предикторов аутодеструкции. Все эти факты в совокупности существенно расширяют наше теоретическое представление о роли родительско-семейного фактора в формировании возможной «суицидальной карьеры» потомства;

3. Обнаруженные клинико-суицидологические особенности значимо коррелируют с высоким уровнем родительского послания «Не живи», которое в исследуемой группе значительно превышает аналогичные показатели контрольной группы и среднепопуляционные показатели;

4. Таким образом, девушки, воспитанные в семьях с одним родителем, являются группой, требующей дальнейшего, более пристального изучения в контексте суицидологии;

5. Факт воспитания в неполной семье в ряде ситуаций может рассматриваться как прогностически просуицидальный. В условиях кризисной и посткризисной терапии парасуицидального поведения семейный анамнез и его особенности могут являться ключевым аспектом реконструктивной провитальной терапии;

6. Значительное количество суицидальных идеаций в относительно благополучной группе девушек из полных семей является весьма настораживающим фактором, требующим дальнейшего изучения. За кажущейся «легкостью» и шантажностью суицидальных тенденций, тем не менее, скрывается явная возможность необратимого решения конфликтной ситуации. Этот факт подтверждает мнение, что далеко не каждая полная семья является комфортной средой для здорового и гармоничного развития личности ребенка [7, 8], и простая констатация полноты родительской семьи не служит условием, гарантирующим отсутствие суицидального риска. Нам думается, что изучение вариантов «больной» просуицидальной родительской семьи является крайне актуальным и перспективным.

Литература

1. Агибалова Т.В. Психотерапия в наркологии / Т.В. Агибалова, О.Ж. Бузик // Российский медико-биологический вестник им. акад. И.П. Павлова. – 2007. – № 1. – С. 119-125.

2. Агибалова Т.В. Психотерапия в наркологии / Т.В. Агибалова, О.Ж. Бузик // Российский медико-биологический вестник им. акад. И.П. Павлова. – 2007. –

№ 2. – С. 97-103.

3. Васяткина Н.Н. Клиническая практика детско-подростковых суицидов в Рязанской области / Н.Н. Васяткина, А.В. Меринов // Тюменский медицинский журнал. – 2014. – Т. 16, № 3. – С. 4-5.

4. Зотов П.Б. «Внешний ключ» – как элемент суицидальной динамики и объект психологического воздействия у подростков / П.Б. Зотов // Тюменский медицинский журнал. – 2013. – Т. 15, № 3. – С. 42-44.

5. Зотов П.Б. Суицидальные действия в г. Тюмени и юге Тюменской области (Западная Сибирь): динамика за 2007-2012 гг. / П.Б. Зотов, Е.В. Родяшин // Суицидология. – 2013. – Т. 4, № 1. – С. 54-61.

6. Лукашук А.В. Клинико-суицидологическая и экспериментально-психологическая характеристики молодых людей, воспитанных в «алкогольных» семьях / А.В. Лукашук, А.В. Меринов // Наука молодых (Eruditio Juvenium). – 2014. – № 4. – С. 82-87.

7. Лукашук А.В. Актуальность исследования клинико-психологической характеристики родителей подростков, совершивших суицидальную попытку / А.В. Лукашук, А.В. Меринов // Тюменский медицинский журнал. – 2014. – Т. 16, № 3. – С. 20-21.

8. Меринов А.В. Вариант эпискрипта в семьях больных алкогольной зависимостью / А.В. Меринов // Наркология. – 2010. – № 3. – С. 77-79.

9. Меринов А.В. Аутоагрессивное поведение и оценка суицидального риска у больных алкогольной зависимостью и членов их семей: дис. ... д-ра. мед. наук / А.В. Меринов. – М., 2012. – 277 с.

10. Меринов А.В. Типология семей мужчин, страдающих алкогольной зависимостью, с позиций наркологической и суицидологической практик / А.В. Меринов // Тюменский медицинский журнал: материалы научно-практической конференции с международным участием «Суицидология и аддиктология: современный взгляд». – 2013. – Т. 15, № 1. – С. 15-18.

11. Меринов А.В. Суицидологическая, наркологическая и экспериментально-

психологическая характеристика супругов в семьях мужчин, страдающих алкоголизмом, в зависимости от варианта брачной динамики / А.В. Меринов // Суицидология. – 2013. – Т. 4, № 2 (11). – С. 25-35.

12. Меринов А.В. Суицидологическая, наркологическая и экспериментально-психологическая характеристики супругов в семьях мужчин, страдающих алкогольной зависимостью, в зависимости от динамики брачных отношений / А.В. Меринов // Тюменский медицинский журнал. – 2013. – № 2 – С. 25.

13. Меринов А.В. Суицидологическая, личностно-психологическая и наркологическая характеристики супругов из браков мужчин, страдающих алкогольной зависимостью, с первично закрытой семейной системой / А.В. Меринов, Н.Л. Меринов, А.И. Юрченко, А.В. Лукашук, О.Ю. Сомкина, М.А. Байкова // Суицидология. – 2015. – Т. 6, № 1 (18). – С. 24-32.

14. Drego P. Theculturalparent / P. Drego // Transactional Analysis Journal. – 1983. – Vol. 13. – P. 224-227.

15. Steward I. New Introduction to Transactional Analysis / I. Steward, V. Joines. – Lifespace Publishing Nottingham and Chapel Hill, 1987. – 332 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Меденцева Татьяна Александровна – студентка пятого курса лечебного факультета ГБОУ ВПО РязГМУ Минздрава России, г. Рязань.
E-mail: blackandwhitedream@mail.ru

Лукашук Александр Витальевич – аспирант кафедры психиатрии ГБОУ ВПО РязГМУ Минздрава России, г. Рязань.
E-mail: lukashuk-alex62@yandex.ru

Сомкина Ольга Юрьевна – аспирант кафедры психиатрии ГБОУ ВПО РязГМУ Минздрава России, г. Рязань.
E-mail: Olyasomkina@gmail.com

Байкова Мария Александровна – клинический ординатор кафедры психиатрии ГБОУ ВПО РязГМУ Минздрава России, г. Рязань.
E-mail: baqkovamari@gmail.com

Филиппова Мария Дмитриевна – интерн кафедры психиатрии и психотерапии ФДПО ГБОУ ВПО РязГМУ Минздрава России, г. Рязань.
E-mail: mari_marii_9@mail.ru